

Глава 13. Горечь

На заднем дворе в одно мгновение воцарилась гробовая тишина.

Эр-гэр, только что споривший с Сяо Сюэмэй докрасна и вздувшихся на шее жил, увидел стоявшего за спиной А-Цяо Сюй Аня и словно разом выдохнулся, уподобившись отсыревшей хлоплушке. Он потупил взгляд и тут же юркнул в дом.

Впрочем, Сяо Сюэмэй прожила на свете немало лет и повидала всякое, оттого и не была столь тонкокожей, как молодые гэры да девушки. Она сделала вид, будто ничего не произошло, и с улыбкой шагнула навстречу:

— Сань-гэр, как это ты вернулся в такой час? Да еще вместе с Сяо-цзы? Сяо-цзы, проходи скорее в дом, присядь. Тетушка нальет тебе горячего супа.

Сюй Ань слегка смущенно улыбнулся, сохраняя вежливую сдержанность:

— Тетушка Сяо, не стоит беспокоиться.

Он объяснил Сяо Сюэмэй, что Сань-гэр подхватил простуду и ходил за лекарством, а он лишь проводил его по пути, заодно решив заглянуть и позвать их семью на простой домашний обед.

— О боже, Сань-гэр простудился?

Сяо Сюэмэй тут же притянула А-Цяо к себе, оглядывая со всех сторон. Здоровье у него прежде было крепким, точно из железа, хвори редко приставали, а тут заболел — как не встревожиться?

— Сильно прихватило? Матушка сейчас сварит тебе лекарство.

Лицо А-Цяо оставалось напряженным, из-за простуды он и без того выглядел бледнее обычного, а сейчас и вовсе помрачнел. Все намеренно обошли молчанием недавнюю перепалку, и лишь он один все еще не мог оправиться от внезапной вести о том, что Сюй Аня прочат в мужья Эр-гэру.

Видя, что тот не проронит ни слова, а глаза его темны, Сяо Сюэмэй решила, будто он совсем занемог от жара, и тут же выбросила недавние огорчения из головы:

— Да-цзеэр, скорее раздуй огонь под котелком для отвара!

Она поспешила подтолкнуть Сань-гэра в комнату, чтобы тот сменил вымокшие штаны и рубаху:

— Иди приляг, отдохни, не пугай мать!

Сюй Ань, стоявший позади А-Цяо, услышав ее слова, сделал шаг вперед и заметил, насколько дурно тот выглядит. Да-цзе тем временем уже хлопотала у очага, разводя огонь, и попутно пригласила Сюй Аня присесть.

Однако Сюй Ань не сводил встревоженного взгляда со спины А-Цяо, которого Сяо Сюэмэй уводила в комнату, и присесть ему даже на ум не шло. Еще по дороге сюда третий брат казался вполне бодрым, отчего же по возвращении домой ему вдруг сделалось так худо? Должно быть, в пути держался из последних сил, а стоило переступить порог родного дома, как слабость

взяла свое.

Сюй Ань передал дорожный ларь в руки Да-цзе, забрал узелок со сбором и сам взялся за варку.

Когда Сяо Сюэмэй вышла во двор, там уже стоял густой травяной дух. Подняв глаза, она увидела Сюй Аня: тот бережно раздувал угли плетеным веером и плавно помешивал снадобье в глиняном горшке, делая все удивительно сноровисто и внимательно.

На сердце у Сяо Сюэмэй стало еще совестливее, и она поспешила к нему:

— Сяо-цзы, давай-ка лучше я.

— Это не великий труд, я хорошо знаю свойства трав и как лучше сварить этот отвар, чтобы не потерять силу снадобья, — ответил Сюй Ань. — Как там Сань-гэр?

Сяо Сюэмэй тяжело вздохнула:

— Как подрос, так почти не болел, но уж если сляжет — держись. Несколько лет назад занемог так тяжело, что жар ему весь голос спалил. В детстве-то он куда речистее был, а потом вошел в пору, когда еще толком ничего не понимаешь, мальчишки в переулке стали языками чесать, вот он и замкнулся. А после той болезни и вовсе голос потерял, теперь лишнего слова не вытянешь.

Сюй Ань смутно припоминал то время. О том, что А-Цяо был приемным, на улице знали многие. В детстве он рос хорошеньким, белокожим да ладным, и дворовая детвора то и дело задирала его. Нахватавшись пересудов от взрослых, ребяташки дразнили сироту тем, что у него нет ни отца, ни матери, и не отставали, пока не доведут до слез — форменное безобразие без всякого присмотра.

— Сяо-цзы, ты не принимай близко к сердцу то, что наговорил Эр-гэр, — воспользовавшись тем, что они остались вдвоем, с виноватым видом заговорила Сяо Сюэмэй. Ей было неловко: Эр-гэр задел самое больное, помянул покойных родителей, каково теперь было это слушать парню? — У него с малых лет язык ядовитый, уж я ему задам трепку! Такое хорошее дело затевалось, а вышло одно расстройство.

Сюй Ань лишь кротко улыбнулся. Сказать по правде, стоять под дверью и слушать эти речи было горько. Он ведь не чурбан бесчувственный, чтобы пропускать подобное мимо ушей, тем более после недавней обиды на семью Лю. Но пока варилось зелье, мысли его прояснились: сватовство на то и сватовство, чтобы взвешивать достаток да человеческие качества.

— Второй брат сказал чистую правду. За моей спиной нет родителей, чтобы поддержать, нет ни путного дела, ни накоплений, так что его отказ вполне разумен. Женщинам и гэрарам в этом мире приходится тяжелее всего, и то, что второй брат заботится о собственном будущем и взвешивает все наперед, вовсе не порок. Подумай моя покойная матушка в молодости о завтрашнем дне, быть может, избежала бы стольких невзгод и страданий. Брак должен строиться на взаимном согласии, и иметь свое мнение — благо. Даже если со сватовством ничего не выйдет, дружба между нашими семьями останется прежней и не пошатнется из-за неудавшегося уговора. Тетушка Сяо, не ругайте второго брата.

Видя такое благородство и рассудительность, Сяо Сюэмэй лишь сокрушенно покачала головой. «Глупый Эр-гэр, до чего же упрям! Отказаться от такого покладистого человека и упереться рогом — и в кого он только уродился?»

— Сяо-цзы, ты славный парень. Только не вздумай из-за глупых речей Эр-гэра принижать себя: твоя жизнь лишь начинается, впереди еще долгие десятилетия.

Сюй Ань почтительно согласился. Он не привык предаваться унынию и жалости к себе, поэтому с мягкой улыбкой добавил:

— Меня наняли постоянным лекарем в лавку семьи Чжэнь, так что тетушке Сяо больше незачем тревожиться о моем устройстве.

— В ту большую аптеку на Передней улице? Да ведь это прекрасное место!

Глаза Сяо Сюэмэй радостно блеснули: она не ожидала, что он так быстро найдет работу. Однако, опасаясь, что он плохо знает здешние порядки, тут же спросила:

— А в лечебницу Лу заглядывал? У них там лекарям платят очень щедро.

— Заходил и туда, но в аптеке ответ дали сразу, да и условия предложили ничуть не хуже, вот я и выбрал лавку Чжэнь.

Сяо Сюэмэй искренне обрадовалась и всплеснула руками:

— Если плата одинаковая, в аптеке куда лучше, чем у Лу! У них там сидят прожженные старики, придешь новичком без связей — покоя не дадут, изведут придирками. А в аптеке Чжэнь лекаря берут впервые, ты сразу станешь главным человеком и будешь чувствовать себя вольготно.

Сюй Ань об этом еще не думал, но, вспомнив отношение старых лекарей во время визита в клинику семьи Лу, понял, что опасения тетушки не лишены оснований. Они еще немного поговорили о новой работе.

Видя, что отвар почти готов, Сюй Ань бросил на Сяо Сюэмэй нерешительный взгляд и все же произнес:

— Сань-гэр... я слышал от него, что в поместье теперь не нужно столько работников.

Сяо Сюэмэй замерла, ошеломленно ахнув.

— Мне показалось, ему очень тяжело на душе, оттого, верно, и разболелся. Я когда встретил его, он был белее полотна, до смерти меня напугал. Тетушка Сяо, только не беспокойтесь: сейчас времена мирные, работу всегда можно найти. А если придется трудно, то я ведь вернулся и смогу подставить плечо.

Сяо Сюэмэй долго не могла прийти в себя. Еще когда он только переступил порог, она удивилась, но в суматохе решила, что в принесенном ларе лишь летняя одежда, и не придавала значения. Кто же знал, что Сань-гэра прогнали из поместья!

Сердце ее сжалось от боли:

— Как же так...! С чего это вдруг беда пала на Сань-гэра? Ты ведь не знаешь, как надрывался он в этом поместье! Телегой правил, тяжести ворочал, носился туда-сюда, частенько за полночь возвращался...

Она сокрушалась без умолку, а затем резко поднялась:

— Нет, пойду к матушке Цзяо и потребую ответа, по какому праву они выставили нашего Сань-гэра!

Сюй Ань поспешно удержал ее:

— Тетушка Сяо, сначала расспросите А-Цяо и разберитесь, что стряслось в поместье. Идти очертя голову — только себе вредить.

У Сяо Сюэмэй голова шла кругом от свалившихся невзгод. Ей не сиделось на месте:

— Сяо Ань, пообедай у нас, а я пойду поговорю с Сань-гэром.

Разумеется, в такой обстановке Сюй Ань не стал оставаться на обед. Он еще раз утешил Сяо Сюэмэй, пообещал разузнать о новом месте для Сань-гэра и тактично распрощался. Говорил он так подробно лишь потому, что боялся, как бы тетушка не стала винить А-Цяо.

Выйдя за калитку, он остановился у глинобитного забора, с тревогой взглянул на окна дома, тяжело вздохнул: при мысли о выражении лица юноши на душе скребли кошки.

В это время А-Цяо переоделся в сухое, немного пришел в себя и собирался выйти, как в дверях столкнулся с Сяо Сюэмэй, несшей чашу с отваром.

— Брат Сяо Ань...

Сяо Сюэмэй знала доброе сердце А-Цяо и, решив, что тот переживает из-за недавней сцены, успокоила:

— Ушел он. Сам тебе лекарство сварил, только потом и откланялся, так что на твоего второго брата зла не держит.

Услышав, что гость ушел, А-Цяо на миг оцепенел. Лишь когда матушка велела выпить снадобье горячим, он вернулся к маленькому столику.

Приняв чашу, он одним махом осушил ее больше чем наполовину и, глядя на темное отражение на дне, глухо пробормотал:

— Матушка сговорила второго брата за брата Сяо Аня? Когда это было?

— Наши семьи сговорились еще давным-давно. Твой брат Сяо Ань вернулся, я посмотрела — парень видный, потому и завела разговор, да разве ж знала, что второй брат заупрямится? Благо твой брат Сяо Ань человек великодушный, не стал обижаться, а попадись кто поэгоистичнее — такой бы скандал поднялся! Родню во врагов превратить — ко мне потом ни одна живая душа свататься не придет. Ну скажи на милость, где еще найдешь человека с таким покладистым нравом, а второму брату все не так!

Сяо Сюэмэй собиралась расспросить сына о делах в поместье после того, как он примет лекарство, но этот вопрос снова разбередил ее досаду.

Пальцы А-Цяо судорожно сжались:

— Второй брат и брат Сяо Ань были помолвлены с детства...

— Да какая там помолвка, если согласия нет, так и помолвкой не назовешь! Пускай дело пока постоит, ты при случае образумь второго брата, а то уперся, как бык, я уж и подступить к

нему боюсь, как бы чего хуже не вышло.

Сяо Сюэмэй не знала, о чем думает сын, мысли ее занимала потерянная работа:

— Сяо Ань перед уходом обмолвился про поместье. Тебя и впрямь прогнали?

На сердце у А-Цяо было черно, но он понимал, что правды не скрыть. Он не знал, как подступиться к этому разговору, и был благодарен брату Сяо Аню за то, что тот взял первый удар на себя. Опустив голову, он отозвался:

— В поместье прислали новых управляющих. Тетушка Цзяо попалась на воровстве, ее вывели на чистую воду, а заодно разогнали и всех ее людей.

Сяо Сюэмэй всплеснула руками. Она и не думала, что А-Цяо мог в чем-то провиниться, но никак не ждала, что рухнет сама управляющая Цзяо. Случись любая другая беда, можно было бы собрать подарков, сунуть серебра да пойти к ней на поклон, а тут выкорчевали само дерево. Выходит, вернуться туда нет никакой надежды!

Сказать, что на душе у Сяо Сюэмэй было тяжело — ничего не сказать. Работая в поместье, А-Цяо отдавал ей пять цяней серебра каждый месяц, да еще привозил то крупы, то масла, то кусок мяса, что очень выручало семью. Потеря такого места в одночасье выбивала почву из-под ног.

Старшая сестра вела дом и зарабатывала лишь шитьем, от силы один-два цяня в удачный месяц. Да и винить ее не за что: по дому хлопот ничуть не меньше, чем на тяжелой поденщине. Эр-гэр хоть и пристроен в лавке, но там доход зависит от бойкости языка: без питания, твердой платы дают всего два цяня, а остальное — доля с продаж. Говорить он умеет, с утра до ночи на ногах, в хороший месяц выручит гуань, а в плохой — и шести цяней не наберет. Когда хороший месяц, отдаст в дом пять цяней, когда плохой — три.

А сама она на сватовстве сидит: дело это зыбкое, хорошую пару свести непросто, да и свах в городке за последние два года развелось видимо-невидимо. Если раскидать заработок по месяцам, выйдет от силы семь-восемь цяней. Бывало, богатые платили щедро — два-три гуаня, а бывало, по три-четыре месяца сидела без гроша. Да и сытая жизнь длилась всего-то четыре-пять лет.

На руках у Сяо Сюэмэй не набралось бы и сорока гуаней, а впереди — еда, одежда, налоги, людские обязательства, троим детям надо собрать приданое, да себе на старость отложить... Как тут свести концы с концами! И именно сейчас они лишились главного подспорья.

— Зима на носу, в городе дрова и уголь в цене. Завтра пойду в горы рубить валежник. Я могу подрабатывать, — глухим, хриплым голосом произнес А-Цяо. — Пять цяней в месяц буду отдавать, как прежде.

Сяо Сюэмэй опомнилась и замахала руками:

— Ты сначала простуду вылечи! С двенадцати лет спину гнул на тяжелой работе, вот и отдохни теперь. Слава небу, сейчас не те времена, когда отец помер и люди ломились в двери собирать долги, с голоду не помер.

Она вымученно улыбнулась и похлопала сына по руке:

— Не забивай себе голову дурным, у матери есть кое-какие сбережения. На то они и отложены,

на случай непредвиденных обстоятельств.

А-Цяо отвел взгляд, глаза обожгло слезами, а в груди разлилась щемящая тоска. Он сказал, что от снадобья клонит в сон, и попросил позволения прилечь.

У Сяо Сюэмэй и самой кошки скребли на душе, поэтому она лишь велела ему хорошенько выспаться, подоткнула одеяло и вышла.

А-Цяо лежал на кровати, но сон не шел. В памяти одна за другой всплывали тени давно минувших дней.

<http://bllate.org/book/21538/2368884>